

Божественный промысел

Ковыльные степи Поволжья
Открыли объятя свои,
Обняли бескрайним привольем
Пришельцев немецкой крови.

На Волгу пришли хлеборобы,
С Прирейнских пришли берегов
Не милости ждать от природы,
Не райских обильных плодов.

Пришли, чтобы твердою дланью
Безбрежную степь обуздать,
Пришли, чтоб природы созданию
Божественный смысл придать.

Поволжская обитель

Я родился на Волге великой
В лютеранской семье колонистов,
Наша жизнь не была многоликой,
Путь же к счастью был труден, неистов.

Стала Волга моею купелью,

Берега ее люлькой природной,
Ее воды мягкой постелью,
А плеск волн моей песнею родной

Безмятежные детские годы
Уходили друг друга сменяя,
В жизни радости были, невзгоды,
Но я рос жизни смысл познавая.

Мои милые предки трудились,
Каждый помощь свою предлагал,
Жили счастливо в церкви молились,
И Бог милосердный нам помогал

Но идиллия длилась недолго -
Черный ворон над нами вскружил,
И как демон своими крылами
Нашу Волгу-обитель накрыл.

Задрожала земля под ногами
Наш уклад вековой разрушая,
И вокруг нас бесовское пламя
Разгоралось огнем обжигая.

Замерло детство вдруг золотое
И грезы и сны под шумы волны,
Время настало безумное, злое,
Прежде срока выросли мы.

Кровавая купель

Я выжил в годы мракобесия
Благодаря труду святителей,
Прошел и города и веси я,
Остался, правда, без родителей.

Они сгорели в адском пламени,
Оставив в памяти моей любовь
Очерченную злобы гранями,
Но ставшею основами основ.

Нам в благодушие жить не довелось,
Мы благолепия не дождались
Нам Волгу снова потерять пришлось
Врагами мы народа стали.

Загнали нас, как скот на баржи
И повезли в далекие края,
Не пожалев ни грязи и ни сажу
Над немцем беззаконие творя.

Детей моих отправили в детдом
Жену в Караганду на рудники
А мне же выдали кайло, и лом
И превратили в коми-пермяки.

Слезами горю не поможешь!
Мы умирали молча и без слез,
Ты норму выполнить не можешь
Ну, что ж, от голода умрешь.

Армия рабов

И началась война без правил,
Жестокая, кровавая война,
Кровавый вождь Россией правил,
Стонала от жестокости она.

Этапы шли, звеня цепями
Сквозь шум тайги и вой метелей,
И лишь надежда была с нами,
Что не умрем, что уцелеем.

Собаки лаяли до рвоты,
Нас вертухаи крыли матом,
Срывая глотки до икоты
И каждого считали гадом.

Мы шли молясь, взывая к Богу,
Но Он презрел молчаньем нас,
Он не делил с нами тревогу,
Не подавал в защиту глас.

Память

Второй год воркутинская шахта
Тюрьмой стала для Якова Шахта,
Норму выполнил он на сто тридцать,
Доппаек получил, съел, не спится.

В забытьи между явью и сном
Видит Яшенька отчий свой дом,
Видит ниву пшеницы и сад,
Добрый матушкин ласковый взгляд.

Видит крепкие руки отца,
Как он садит в саду деревца,
Видит он табун лошадей -
Гордость всех немецких семей.

Грезы нежные вдруг оборвались,
Забвенье злою явью взорвалось,
То в барак ворвались вертухай,
И истошно: "Подъем!" прокричали.

Держись, брат Карлуша...

Старая кляча тянет устало
Ветхую арбу по знойной степи,
Старый казах, выдавший немало,
Молится тихо: "Аллах их прости..."

На дне повозки рогожкой прикрытый
Лежит человек, а скорее скелет,
Лежит как в гробу не живой, не убитый,
Нет больше сил в нем и воли уж нет.

Дали ему шесть месяцев сроку:
Выживешь если, так снова в забой,
Ну, а помрешь - нам меньше мороки,
Там обретешь наконец ты покой."

- Все хорошо, держись, брат Карлуша -
Голосом тихим старик говорит,
- Дышишь еще, что может быть лучше
Бренное ж тело душа оживит.

Немецкие дети войны

Кто-нибудь знает об этой судьбе?
Кто-нибудь знает о них в той войне?
Войне беспощадной, которую власть,
Чтоб насладиться местию всласть

Детям немецких семей объявила.
Живыми в могилу забвенья зарыла
Отцов, матерей у них Кремль забрал,
В шахту отправил, на лесоповал.

Кровь с молоком в материнских грудях
Слились во всепоглощающий страх.
Боженька милый, спаси, сохрани,
Над чадами малыми смерть разгони!

Милости просим, спаси их, Господь!
Нету ответа. Воды набрал в рот.
Милости просим, спаси их, Аллах!
Нету ответа, усилился страх.

Где ж им святую обитель искать,
Как им родимых деток спасти?
Милости просим, хлеба кусочек
Дай им, Господь, ведь они непорочны!

Нету ответа, черств был Господь -
Уши из воска, каменный рот.
Сколько поклонов ему не клади,
Нет состраданья, спасенья не жди...

Кремлевская ж власть, ухмыляясь хищно
Средь немцев новые жертвы все ищет,
Младенцев-сирот с бесовским стараньем

У мамок немецких берет на закланье.

Ребенка слеза для нее, что бальзам,
Зловещий был смысл предан слезам.
Дети войны, немецкие дети,
Те, что живыми остались в вертепе

Власти нещадной, где правили бесы,
Не знают слезы, отучены с детства.
Слезы в их душах правда сменила,
Она для них стала смысла мерилом.

Две войны на двоих

За что воюешь ты, солдат?
Зачем покинул отчий дом
И ниву хлебную, и сад,
Где след оставила любовь?

Щедра судьба на смерть и горе.
Две родины и на двоих
Нам две войны – несчастий вдвое.
Где счастья нет средь лет лихих.

Судьба невидимой рукою
Два сердца наших увлекла,
Спаяла накрепко любовью,
И за собою увлекла.

Куда, зачем, сказать ты можешь?

Я не могу, любви полна!

Зачем же душу мне тревожишь,

Накрывшей нежностью волна?

Погибнешь, вдруг, в бою последнем,

Куда мне деточек девать,

К кому бежать просить прощенья,

И кто теперь я - вражья мать?...

О, Боже, милосердный, правый,

Даруй мне силы выстоять

И победить в борьбе неравной,

И счастье наше выстрадать.

Служение народу

Служение народу - дело благородное,

Не каждому такое по плечу.

Служение народу - дело добровольное

Оно сродни служению Творцу.

Подвижники по сути - бескорыстные,

Несут в народ Любовь и Благодать,

Подвижники в служение неистовы,

Не требуют ни славы, ни наград.

Их бескорыстный труд на благо ближнего
Привносит цель в природу бытия,
И помогает в пониманье высшего,
Божественного смысла жития.

И что за сила движет этими людьми,
Какой огонь в груди у них горит?
Они как светоч против силы тьмы
Творят душой! Так совесть им велит

Я плыву между двух берегов

Я плыву между двух берегов,
Я прощаюсь с Волгой родной.
Я плыву между двух берегов
И меня накрывает волной.

А волна эта - память и грусть
О годах, что прошли не вернуть.
А в годах этих мудрости суть,
Не дающих мне ночью уснуть.

Ах ты, Волга, купели сосуд,
Ты сынов по окрест разбросала,
Без тебя как в сиротстве живут
Твои дети, начал всех начало.

Я плыву между двух берегов,
И не знаю, какой берег мой.
То ль довериться розе ветров,

Чтоб добраться скорее домой?

В моих жилах немецкая кровь,
А в душе моей русская суть.
Та Россия дала всем нам кров
А другая пыталась согнуть.

Я плыву между двух берегов,
Подо мною вода глубока,
И никак не достичь мне основ,
Моя участь печальна, горька.

На одном берегу вижу Русь,
На другом - тевтонов обитель,
Между ними всю жизнь я мечусь,
Помоги мне, ангел-хранитель.

Левый берег крут, недоступен,
Правый берег манит нас мечтой,
Но я жизнью суровой научен,
Что мечта может стать пустой.

И вернулись домой мы все разом

Наши немцы отправились к власти:

"Отпусти от греха восвояси..."

"Немчура, вы совсем оглупели,

Кто ж осваивать будет пределы

Нашей родины сильной, могучей,

Кто наполнит работой кипучей.

Кто освоит колхоз наш целинный,

Чтобы он стал советской былиной?

Вы забыли простые уроки,
Ведь мы вас отпустили до срока.
Лагеря оживить нам недолго
И вы сядете снова надолго.

Так что тихо сидите, как мыши,
Под советской всевластной крышей,
Больше голову нам не морочьте,
Если жить вы хотите, короче!"

И по весям мы вновь разбрелися
И сидели тихонько, как мыши,
Пока власть не накрылась вдруг тазом
И вернулись домой мы все разом.

Служение народу - дело благородное

Служение народу - дело благородное,
Не каждому такое по плечу.
Служение народу - дело добровольное
Оно сродни служению Творцу.

Подвижники по сути - бескорыстные,
Несут в народ Любовь и Благодать,
Подвижники в служение неистовы,
Не требуют ни славы, ни наград.

Их бескорыстный труд на благо ближнего
Привносит цель в природу бытия,
И помогает в пониманье высшего,
Божественного смысла жития.

И что за сила движет этими людьми,
Какой огонь в груди у них горит?
Они как светоч против силы тьмы
Творят душой! Так совесть им велит.

Мы нашу песню не допели

Мы сами выбрали дорогу эту,
Прошли ее за долгих двести лет.
В тяжком труде искали мы ответа -
Есть в жизни счастье или его нет.

И мы нашли его в семье и детях,
В любви к земле, в любви к труду.
В итоге заплатились мы за это -
Пришлись мы власти не по нутру.

И власть погнала нас в пустыню,
В сибирские снега, в полярный холод,
И вместо радости пришло унынье,
И нашей юдолью стал смертный голод.

Не многие из нас дошли до цели,
Не все вернулись в отчий дом,
Но песню мы свою еще не спели
И мы ее еще здесь допоем.

Ты, прости, соловей...

Ты не пой, соловей, над моей головой,
Над моей головой ореол терновой,
Ты не пой, соловей, душу мне не тревожь,
В жизни радости нет, коли царствует ложь.

Ты не пой, соловей, дивны трели свои,
Нежной песней своей мое сердце не рви.
Пой для тех, кто намного счастливей меня,
Я ж лишен навсегда Прометея огня.

Ты не пой, соловей, песен мне о любви,
Нежной песней своей мое сердце не рви.
Не до радости мне, не до сладких утех,
Был я вечным изгоем для этих и тех.

Ты, прости, соловей, голос мой огрубел.
Ты, прости, соловей, что я в песнях не смел.
Ты прости, соловей, жизнь не всем удалась,
И не всех ворожит твой серебряный глас.

Позову я тебя и споешь, может быть,
Ты на тризне моей и расскажешь, как жить
Без любви и без ласки в чужой стороне,
Справишь песней своей ты поминок по мне.

Прилетай, соловей, на могилу мою,
Когда прозу тоски до конца допою.
Прилетай соловей, а сейчас не тревожь,
Не до нежности мне, когда царствует ложь.

Только мы нашу силу умножим

Наконец, мы вернулись домой,
Нам хотелось найти здесь покой,
Мы искали - покой не нашли,
Из огня в полымя перешли.

Немцы нас за родню не признали,
И предались мы новой печали.
Соплеменники стали чужими,
О родстве нашем древнем забыли.

Золотому тельцу предались,
Не стремятся в духовную высь,
О верности, чести забыли,
Чуждым духом сплошь заразились.

И задумались мы, что же делать,
Как нам смыслы и суть переделать?
Как вернуться к великим истокам,
Что даны нам и Богом и Роком?

Кроме нас, сохранившим духовность,
Сохранившим немецкую скромность,
Никто вам никогда не поможет,
Только мы нашу силу умножим.

Изгоним вон маммону

Мы, немцы из России,
Задаем себе вопрос:
Доколь на нашей вые
Сидеть будет кровосос?

Ведь он не знает меры,
Растут его размеры,
И аппетит возрастает,
Чем больше он глотает.

Налилась кровью морда -
Для кровопийцев - мода!
Сидят они на шее,
Пьют кровь и не потеют.

А мы молчим, мы терпим,
Не тратим свои нервы,
Мы ждем своего часа -
Божественного гласа.

Как только прозвучит он,
Так мы бесшумно тихо
Построимся в колонну,
Изгоним вон маммону.

Где искать вас и как вас найти?

В сорок седьмом отпустили домой,
Но не сказали, где этот мой дом.
Я пришел на вокзал
И кассирше сказал:

- Ты продай мне билет в никуда,
Куда ходят еще поезда.
И поехал я под колес стук,
Где нет вертухаев и сук.

Я приехал на Черное море,
Где беда уживалась с горем,
И где солнышко теплое светит,
Обогреет, любого приветит.

И я пасынком был принят морем,
Растворилось в его водах горе,
Но душа моя ищет и ищет
Сердечную ласку как пищу.

Где ж ты мама родная моя?
Где ж ты милая сердцу жена?
Где искать вас и как вас найти,
На каком вы сегодня пути?

Неужель проживу до конца я
Ничего про вас, милых, не зная,
Неужель я духовным калекой
Доживу до скончания века?